

Е. А. Терентьева, А. А. Паламарчук

РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ ВО ФРАНЦИИ: ТРУДЫ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД АНДРЕ ДЮШЕНА*

Новое время стало эпохой формирования в странах Западной Европы протонациональной парадигмы в историописании. Во Франции историописание современного типа зародилось в рамках эрудитского интеллектуального течения, возникшего здесь благодаря Франциску I. Характерной чертой школы французских эрудитов были ее тесные связи с короной и двором, что институционально было отражено в существовании должности королевского историографа. Выдающиеся фигуры королевского историографа Андре Дюшена (1584–1640) и его сына Франсуа знаменуют рождение новой методологии, целью развития которой была интеграция регионов французского королевства благодаря разысканию общего прошлого французской знати, которое, в свою очередь, определялось преемственностью служения знати своему монарху. Именно фигура короля приобретает статус и центрального персонажа французской истории, и определяющей доминанты в социальной и политической структуре королевства. Библиогр. 36 назв.

Ключевые слова: Андре Дюшен, Франсуа Дюшен, историописание, национальная идентичность, Франция раннего Нового времени.

E. A. Terentyeva, A. A. Palamarchuk

THE RISE OF NATIONAL HISTORICAL WRITING IN FRANCE: ANDRE DUCHESNE AND HIS HISTORICAL METHODOLOGY

The monarchies of Early Modern Europe saw the rise of proto-national paradigm in historical writing. In France this tradition was born due to the activities of erudites — an intellectual group formed during the reign of Francis I. A peculiar feature of French historical writing was its close link to the Crown that determined fundamental concepts and ideas of historical tracts of the epoch. The prominent royal historiographer Andre Duchesne (1584–1640) and his son François represent a new historical methodology aimed at integration of the French monarchy by means of rediscovering the common past of the French nobility. The sacral royal person was made both the central historical character and the dominant point in the political and social structure of the country. Refs 36.

Keywords: Andre Duchesne, historical writing, national identity, Early Modern France.

Раннее Новое время стало эпохой формирования в странах Западной Европы протонациональных школ историописания. Во Франции историописание современного типа зародилось в рамках эрудитского интеллектуального течения, возникшего здесь благодаря Франциску I. Рост интереса к собственному прошлому,

Терентьева Екатерина Анатольевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций, Российская Федерация, 193232, Санкт-Петербург, пр. Большевиков, 22-1; e.a.terenteva@bk.ru

Паламарчук Анастасия Андреевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; sir.henry.finch@gmail.com

Terentyeva Ekaterina Anatolyevna — Candidate of History, Senior Lecturer, St. Petersburg State University of Telecommunication (SPBGUT), 22-1, pr. Bolshevnikov, St. Petersburg, 193232, Russian Federation; e.a.terenteva@bk.ru

Palamarchuk Anastasia Andreevna — Candidate of History, Senior Lecturer, St. Petersburg State University, Institute of History, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; sir.henry.finch@gmail.com

*Статья написана при поддержке гранта РГНФ 14-01-002214.

характерный в это время для большинства стран Старого Света, был связан с формированием этнокультурных идентичностей европейцев и закладыванием основ будущих национальных государств. Обращение к сюжетам собственной, а не античной истории вытекало из осознания уникальности и самостоятельной ценности прошлого своей страны, ее культуры, а впоследствии и языка. Во Франции к этим предпосылкам добавилась насыщенность жизни страны политическими событиями. Религиозные войны второй половины XVI в. требовали осмысления не только проблем религиозного толка и вопросов современной политики, но и заставляли искать в прошлом причины бед и несчастий, в пучину которых оказалась ввергнута страна. Кроме того, именно в период гугенотских войн история наряду с политической публицистикой превратилась в орудие пропаганды в руках обеих противостоящих сторон.

Особенность развития французского историописания заключалась в том, что с самого начала оно оказалось на службе королевской власти. С 1437 г. во Франции существовала должность королевского историографа; самому своему возникновению историописание нового типа было обязано короне, а систематическое изучение именно французской истории было связано с ее заказами. При этом должность королевского историографа нередко занимали люди, которые были скорее эрудитами, чем историками, в том смысле, который вкладывали в этот термин их современники: примером может служить фигура известного эрудита Клода Фоше, историографа Генриха IV.

Существование должности королевского историографа лишило французское историописание необходимости искать для себя нишу в обществе: пусть временная и неокончательная, но она была найдена. С этой нишей оказалось связано течение французских эрудитов, т.е. в процесс институционализации истории во Франции было вовлечено историописание нового, иного по сравнению со средневековым, типа. Именно историописание нового типа было включено в государственные структуры и стало «историей на службе у государя» [Grell 1993, p. 195]. Корона успешно задействовала оказавшийся в ее руках инструмент пропаганды. Особенно активно им пользовался кардинал Ришелье, не только понимавший возможности печатного слова, но и подчинивший делу пропаганды практически всю культуру. Практика памфлетной борьбы была широко распространена в стране задолго до его прихода к власти, но именно Ришелье поставил собственно государственную пропаганду на широкую ногу.

Итак, рождение национального историописания во Франции относится к эпохе раннего Нового времени, и условно можно даже назвать имя его создателя, это «отец французской истории» Андре Дюшен (1584–1640), который занимал должность королевского историографа при Людовике XIII. Парадоксально, но этот интеллект, действительно сделавший очень много для изучения истории своей страны, оказался незаслуженно забыт как соотечественниками, так и ученым сообществом в целом.

В наследии А. Дюшена прослеживаются все основные тенденции, присущие зарождавшемуся новому французскому историописанию, причем это касается как тематики его трудов, так и его исторического метода.

Тематически наследие А. Дюшена весьма разнообразно: он публиковал труды по истории и географии Франции, занимался изданием источников по французской

истории, а его неизданное наследие составляют более 100 рукописных томов, хранящихся во Французской национальной библиотеке: это разнообразные выдержки из исторических документов по истории церкви, актов парламента или средневековых актов королевской канцелярии, отрывки статей, наблюдения, комментарии, генеалогии, исторические пьесы и др.

Наследие Андре Дюшена целесообразно рассматривать в комплексе с трудами его сына, Франсуа Дюшена (1619–1693), который также занимал должность королевского историографа. Он помогал отцу в исторических штудиях, а после его кончины привел в порядок и издал несколько его трудов. Собственное наследие Ф. Дюшена невелико, однако с трудами Дюшена-старшего его объединяют тематика, методы и стиль.

Официально А. Дюшен был королевским историографом, и в тех немногих случаях, когда его имя встречается в мировой историографии, его называют историком [Thuau 2000, p. 21], однако по области своих интересов и занятий, по методу своих изысканий и даже по кругу общения он соответствовал скорее определению эрудита. Эрудитов отличал интерес к маргинальным для того времени областям исторического знания: древностям, истории институтов и должностей, истории титулов, гербов, а также истории церкви, и практически все эти области знания оказались охвачены вниманием А. Дюшена. История институтов и должностей раскрывалась в «Истории королей, герцогов и графов Бургундских» и «Истории государственных министров со времен короля Роберта». Материальные свидетельства многовековой истории Франции описывались в многократно переиздававшихся «Древностях и изысканиях о городах, замках и т. д. всей Франции» и «Плане описания французского королевства» [Duchesne 1610]. Определенно антикварной работой были «Древности и изыскания о благородстве и величии французских королей» [Duchesne 1609], а история церкви была представлена в его трудах в виде истории пап и житий французских святых [Duchesne 1616a]. Издательская деятельность Андре Дюшена, который весьма активно и последовательно занимался изданием источников и исторических трудов по истории Франции, говорила о понимании им самостоятельной ценности издания чужих текстов, что было одной из характерных черт отношения эрудитов к источникам и трудам коллег [Parry 2007, p. 16].

Таким образом, А. Дюшен парадоксальным образом совместил звание историописателя (и, следовательно, служение короне с вытекающим отсюда долженствованием быть в определенной степени консервативным) и круг интересов, характерный для эрудитов той эпохи, часто аполитичных. Сочетание занятий историей и географией делало его взгляд более широким, а подход к изучению прошлого более универсальным.

По тематике изданные работы Дюшена-старшего можно разделить на несколько групп. Первая — это собственно исторические исследования, которые, в свою очередь, подразделяются на подгруппы и посвящены: истории церкви [Duchesne 1616a] [Duchesne 1915a]; истории королевской власти во Франции [Duchesne 1609; Duchesne 1619a]; истории государственных институтов Франции; историко-географическим описаниям Франции [Duchesne 1614a; Duchesne 1637]; истории Британских островов [Duchesne 1614b] и, наконец, генеалогиям дворянских и аристократических родов Франции и Фландрии [Duchesne 1621a; Duchesne 1621b]. Вторую по численности и значимости группу его трудов представляют собой критические изда-

ния: «Клюнийская библиотека», которая была переиздана уже в начале XX в. [Duchesne 1915] и труды других историков — как его предшественников [Duchesne 1619; Duchesne 1617a; Duchesne 1636–1649], так и современников [Duchesne 1617b]. Сегодня Андре Дюшен известен прежде всего благодаря им. Третью группу составляют опубликованные А. Дюшеном источники по французской истории (это прежде всего переписка Абельяра и Элоизы, а также труды Алкуина) [Duchesne 1616b; Duchesne 1617c]. Четвертый блок — переводы на французский язык с латыни древних текстов и трудов современников А. Дюшена (например, сатир Ювенала и трактата по магии Мартина Дель Рио). Отдельную группу представляют собой разного рода трактаты [Duchesne 1605].

Формально Андре Дюшен так и не написал единую историю своей страны, и его разнообразное наследие представляет собой именно мозаичную историю Франции. Он писал (и, вероятно, воспринимал) историю Франции как историю французских королей, институтов, должностных лиц (а его сын дополнил ее историей французского чиновничества [Duchesne 1662; Duchesne 1680]), французской церкви, аристократии и дворянства. Несмотря на занимаемую Дюшеном должность, его произведения выходили за рамки востребованной при дворе тематики. Почти каждый его труд и его идейное наполнение могут рассматриваться под разными углами зрения и быть вписанными в различные процессы, протекавшие в историко-культурном поле французского королевства. Круг его интересов охватывал различные области французской истории, а тематика его работ и их содержание не только отвечали задачам и целям государственной политики, но и способствовали формированию этнокультурной идентичности французов, в то же время органично вписываясь в логику развития французской культуры.

Эпоха А. Дюшена была прежде всего временем строительства абсолютистского государства с сильной вертикалью власти, опиравшейся уже не на местных диктаторов, а на разветвленный чиновнический аппарат. Объединение всех областей страны под рукой короля требовало не только конкретных политических шагов, но и создания соответствующего информационного поля. Причем необходимы были не только негативная пропаганда, отрицавшая политическую монополию и независимость аристократии, но и некие новые позитивные утверждения, которые могли бы занять место старых. Одним из таких ориентиров была фигура короля. Другим стало строившееся государство, воплощенное в институте чиновничества. Наследие отца и сына Дюшенов прекрасно иллюстрирует эту тенденцию. Оба они были королевскими историографами, следовательно, направление их изысканий, как минимум, одобрялось, если не напрямую заказывалось теми, кто контролировал культурное пространство Франции.

Король для французов того времени был символом и воплощением Франции. Из-под пера А. Дюшена вышло две работы, посвященных непосредственно французским монархам: «Древности и изыскания о власти и величии французских королей» [Du Chesne 1609] и «История королей, герцогов и графов Бургундии и Арля» [Du Chesne 1619]. В «Древностях» была собрана история всего, связанного с королями Франции и их двором, вне зависимости от конкретных монархов и династий. Оба эти труда подчеркивали вневременную значимость французского монарха не как личности, но как бессмертной мистической фигуры, о которой писал Э. Канторович [Kantorowicz 1957], и демонстрировали прочность французского монаршего

дома, независимо от правящей династии, — мотив, характерный для большинства французских историописцев, особенно придворных. Не менее четко прослеживается в его наследии и мотив прославления верности своему монарху как величайшей доблести.

Представляется несколько необычным, что в опубликованном наследии королевского историографа (даже не историографа Франции, каковым будет его сын) всего два труда, связанных с историей королевской власти. Однако работы, посвященные другим темам, выполняли схожие идеологические функции, способствуя укреплению авторитета королевской власти и объединению Франции и как сообщества людей, и как конгломерата территорий.

Дюшен-старший стал автором труда «История государственных министров» [Du Chesne 1642]. Франсуа Дюшен составил три трактата по истории королевского чиновничества: «Трактат о чиновниках, составляющих государственный совет», опубликованный вместе с трактатом «Новый тип совета», а также «Историю французских канцлеров и хранителей печати» [Du Chesne 1662a; Du Chesne 1662b]. Благодаря значительному комплексу рукописей А. Дюшена, сохранившихся до наших дней, известно, что он занимался также историей парижского парламента [Du Chesne Extraits].

Таким образом, важное место в творчестве отца и сына Дюшенов занимала история учреждений и должностей французского королевства. Эту группу их трудов можно трактовать двояко. С одной стороны, интерес к должностям и институтам традиционно характеризуется исследователями как антикварный, или эрудитский. С другой стороны, чиновничество было важнейшей частью строившегося аппарата абсолютистского государства. И с этой точки зрения написание истории чиновничества и государственных должностей и ее популяризация в среде образованных французов были крайне полезны центральной власти. Так этот инструмент центральной власти становился более близким и понятным, и одновременно демонстрировалась традиционность этого института, приобретающего все большее значение и влияние в современности XVII в.

Наиболее многочисленную группу опубликованных работ А. Дюшена представляют собой генеалогические истории французского и фламандского дворянства, составление которых королевским историографом, как представляется, было связано прежде всего с решением ряда актуальных политических проблем. Идеологическое значение этого цикла можно охарактеризовать как двойственное. С одной стороны, внимание к истории благородных французских семейств подчеркивало значимость дворянского сословия. С другой — дюшеновский цикл генеалогий стал частью политики кардинала Ришелье, целями которой были борьба с авторитетом грандов и подчинение дворянства короне. Пропаганда верности королю как добродетели прекрасно отвечала этим целям. Более глобально генеалогические истории были призваны на информационном уровне способствовать решению проблем в области дворянской политики: обеспечивать верность дворян лично монарху, ослаблять патрон-клиентские связи, уменьшать опасность мятежей грандов. Цикл генеалогий позволял сыграть на гордости дворянства, польстив знати (что должно было в некоторой степени смягчать ее недовольство), и в то же время уменьшить тенденции сепаратизма в среде аристократов. Наконец, работы Дюшена, основанные на документальном материале, могли использоваться аналогично проводившимся цен-

тральной властью «расследованиям дворянства», которые в XVII в. входили в постоянную практику.

Труды А. Дюшена, посвященные церкви, и отрывки его работ, связанные с религией, также были направлены на усиление власти французских монархов и французского государства в целом. Тема церковной истории представлена в наследии Андре и Франсуа Дюшенов работой Дюшена-отца по истории пап и Дюшена-сына по истории французских кардиналов [Duchesne 1660]. На обращении к этим проблемам, безусловно, сказалось присутствие на политической арене двух кардиналов — сначала Ришелье, затем Мазарини. Однако эти работы позволяли решить и ряд задач идеологического толка. С одной стороны, демонстрировалось подчиненное положение церкви по отношению к государству: в названии «Истории кардиналов» содержалось указание на то, что кардиналов назначали французские короли. С другой стороны, А. Дюшен подчеркивал роль церкви и религии как столпов государства [Duchesne, 1609, p. 14, 34], указывал на долг короля поддерживать церковь, что в очередной раз подчеркивало роль французского монарха в самом существовании государства [Duchesne 1609, p. 14]. Наконец, церковь через своих иерархов оказывалась вписанной в национальную историю. Церковные иерархи, формально подчиненные понтифику и теоретически меньше других членов общества связанные с процессом формирования этнокультурных идентичностей, оказывались принадлежащими Франции. То есть в этих работах отразилось и зарождение этнокультурной идентичности французов.

В эпоху А. Дюшена в странах Западной Европы протекал процесс активного формирования этнокультурных идентичностей и их осознание европейцами. Интеллектуальное течение французских эрудитов развивалось в тесной связи с этим процессом, не только став его органичной частью, но и оказав на него значительное влияние. Улавливая и чутко реагируя на интеллектуальные веяния времени, А. Дюшен в своих работах отразил тенденции развития менталитета французов, одновременно способствуя продолжению этого развития.

С рождением французского этнокультурного самосознания была непосредственным образом связана издательская деятельность А. Дюшена. Он публиковал источники по средневековой истории Франции и труды как современных ему авторов, так и его предшественников, также посвященные этой тематике. А в письме неизвестному эрудиту Дюшен сетовал на то, что один из их общих коллег, Дом Поликарп де ла Ривьер, не собирался публиковать имевшиеся у него источники [Письмо Андре Дюшена неизвестному ученому]. Таким образом, очевидно, что Дюшен был заинтересован в как можно более масштабном процессе издания исторических источников во Франции. Издание трудов по истории французского Средневековья демонстрировало ее ценность, не меньшую, чем ценность истории античной. Интерес к собственной истории сложился во Франции уже в XVI в., и издание А. и Ф. Дюшенами сборников таких трудов было частью процесса ее популяризации.

Представление об этнокультурной идентичности естественным образом связано с восприятием народа, людей, объединенных определенными особенностями и составляющих единое целое. А. Дюшен заговорил о народах как самостоятельных активных субъектах истории в своей работе, посвященной истории королевств Британских островов [Duchesne 1614b]. Любопытно, насколько сильно в этой, казалось

бы, совершенно не французской работе, присутствовал мотив гордости собственной историей и собственным народом, своими предками.

Он посвятил и предназначил этот труд Франции, а интерес французов к истории соседней страны объяснил не только тесной связью политической истории Англии и Франции и родственными связями между их монархами, но и родством их народов [Duchesne 1614b, p. iij–iij verso]. А. Дюшен предпринял попытку связать историю двух стран, показав, что своей славной историей и настоящими успехами Англия обязана во многом происхождению своих обитателей от предков современных французов. А. Дюшен подчеркнул также, что предки современных англичан и ирландцев переселились на острова с территории современной Франции, причем как северной и центральной — из Галлии, так и южной — из Наварры. В результате любые успехи Англии увеличивали славу Франции, ведь именно благодаря выходцам из Галлии Британия достигла тех славы и могущества, которыми по праву можно было гордиться. Франция становилась тем источником, который распространял с помощью населявших ее народов свою славу и достоинство на территории, этими народами заселявшиеся, подобно абсолютному монарху раннего Нового времени, распределявшему милости между подданными. Можно трактовать такой подход А. Дюшена и в том смысле, что, позиционируя Францию как прародину англичан, он подчеркивал ее старшинство по отношению к северному соседу.

Французская этнокультурная идентичность складывалась из нескольких компонентов. И важную роль здесь играло не только представление о собственном прошлом и народе как едином целом, обладающем рядом специфических особенностей. Осознанием воплощением протонациональной идентичности французов раннего Нового времени была фигура французского монарха.

С эпохи клюнийской реформы и Больших французских хроник собственное историческое прошлое Франции традиционно связывалось с идеей французской монархии. Судя по словарю Фюретьера, слово «родина» вошло во Франции в широкий обиход лишь к 1690 г. [Furetiere 1690, p. 72], а французских королей еще в XVIII в. называли «королями французов», а не «Франции». Таким образом, основу национального единства в сознании французов в XVII в. составляло не столько осознание принадлежности к единой территориальной общности, сколько именно верность королю. И, как было показано выше, в наследии А. Дюшена четко просматривается мотив, ориентировавший читателей на идеальную (абстрактную) фигуру французского монарха как ключевую во французской истории и в настоящем, а следовательно, и в восприятии французской идентичности.

С формировавшейся этнокультурной идентичностью французов был связан и принадлежащий перу А. Дюшена многотомный комплекс генеалогий французского и фламандского дворянства, часть которого осталась неизданной [Пронина 2011]. Его создание преследовало одновременно несколько целей, основными из которых были политическая и пропагандистская. Однако они несли и идеологическую нагрузку, связанную с формированием и осознанием французами собственной этнокультурной общности, так как французское королевство в сознании французов воплощалось не только в короле, но и в аристократии и дворянстве.

Король и дворянство рассматривались как неотъемлемые составляющие части страны и одновременно как действующие лица, творившие ее историю. Подобное отношение ко второму сословию в исторической перспективе вполне логично. Дво-

рянство представляло собой глубоко политизированное сословие и осознавало это, претендуя на политическую власть в силу одного своего происхождения [Neuschel 1989, p. 5, 16]. Поэтому не только другие сословия, но и само дворянство воспринимало себя как сотворца истории и как фактор французской этнокультурной идентичности. Дворяне как лучшая часть французского общества выполняли роль своеобразного костяка той, пока еще нетерриториальной Франции, к которой начинали относить себя французы XVI–XVII вв.

В эпоху, когда были крайне важны личные связи и отношения внутри дворянского сообщества, генеалогии давали благородным семействам знание об истории друг друга. Одновременно генеалогии могли выполнять репрезентативную функцию, представляя читателю своего рода каталог благороднейших французских семейств. Франция в сознании людей того времени была прежде всего сообществом подданных французского монарха. Поэтому публикацию обзора лучших из лучших этих подданных можно сравнить с изданием в Англии карт Британии, позволивших англичанам визуализировать свою страну. Цикл генеалогий дворянских родов Андре Дюшена давал возможность охватить воображением всю Францию, причем эта картина была многомерной, совмещающая в себе прошлое и современность. Таким образом, история французского дворянства также вплеталась в историю страны, сопрягалась с ней и цементировала ее, связывая людей, творивших историю, с землей, на которой разворачивались описываемые автором события.

Итак, в сознании французов раннего Нового времени Франция представляла собой прежде всего совокупность подданных французского монарха. Здесь не было такого значительного фактора, как, например, английский парламент, который мог способствовать осознанию страны как совокупности территорий. Однако и во Франции одновременно с зарождением этнокультурных идентичностей начиналось осознание значения земли, территории, ее принадлежности истории наравне с людьми, ею владевшими и ее населявшими [Thuau 2000]. Несмотря на разрозненность отдельных частей страны и различия между провинциями, идея объединения в раннее Новое время становилась все более популярной. Ее развивали гуманисты, интеллектуальная элита, юристы, ее сторонниками были чиновники — представители королевской власти. Ростки этих представлений прочитываются и в наследии А. Дюшена.

В свете зарождения во Франции отношения к стране как территории не случайным представляется само совмещение одним лицом должностей королевского географа и историографа. Географический аспект присутствовал во многих произведениях А. Дюшена. Достаточно подробные географические описания упоминаемых земель были включены А. Дюшеном в корпус его генеалогических трудов, причем Дюшен описывал историю этих земель еще до основания рода нынешних владельцев, что можно рассматривать как свидетельство понимания принадлежности Франции земли независимо от ее конкретных владельцев. Заметное место заняла география и в работе А. Дюшена, не связанной с историей и территорией французского королевства — в его «Истории Англии, Шотландии и Ирландии» [Duchesne 1614b]: сведениями о расположении и природных условиях предварена каждая часть этого произведения. Наконец, в «Древностях и изысканиях о городах, замках и т. д. всей Франции», которые представляют собой описание страны, Франция изображена как политическое целое, т. е. как некая совокупность территорий, разделенных

на восемь частей в соответствии с количеством парламентов. При этом внимание автора сконцентрировано на землях, городах и архитектурных памятниках, а о королях, дворянах и вообще жителях Франции практически не говорится. Таким образом, Дюшен продемонстрировал, что Франция — территория, объединенная общей историей и имевшая общую для всей страны судебную систему. Тем не менее, в целом, при изучении его творчества можно говорить лишь об отдельных свидетельствах того процесса, который впоследствии приведет к восприятию земли как родины, *patrie*, а страны — как территории.

Фигура и наследие Андре Дюшена могут рассматриваться не только в контексте процесса институционализации истории и связи историописания с культурно-политической ситуацией во Франции той эпохи, но и в рамках истории развития метода исторического знания. В первой половине XVII в. картезианское систематическое сомнение еще не было включено в сферу истории. Однако в произведениях А. Дюшена присутствовали все элементы, характерные для нового исторического мышления той эпохи: принцип опоры на разнообразные источники, т. е. эмпирический материал, невосприятие любых из них как непрерываемо авторитетных, а также подход к их анализу с точки зрения здравого смысла.

В предисловии к своим работам А. Дюшен неизменно не только обрисовывал избранную тему, но и стремился обосновать ее актуальность, что свидетельствовало о его восприятии себя как ученого, исследователя, а не компилятора средневекового толка.

А. Дюшен предпочитал опираться на письменные источники, а не источники новых типов, к этому времени уже популярные в среде английских антиквариев. Впрочем, жанр и тематика его произведений в значительной степени определяли привлечение в первую очередь именно традиционных источников. В большинстве случаев на первых страницах своего труда А. Дюшен приводил краткий обзор источников, с которыми работал, с указанием их местоположения. Эрудитов второй половины XVI в. часто упрекали в том, что в своих работах они опирались не на все доступные хроники и рукописи. В отличие от них А. Дюшен не ограничился использованием французских источников, изучая также иностранные рукописи. Например, как явствует из его письма от 15 мая 1635 г., он обращался к итальянским источникам. В одной из генеалогических историй французского дворянства он использовал в качестве источника Фульдские анналы. Кроме того, помимо нарративных источников (хроник, генеалогий, «книг ливней») и т. д. он использовал источники документального характера — акты дарений, всевозможные грамоты и т. д. Впрочем, введение в научный оборот значительного массива новых источников было отличительной чертой историописания XVII в. в целом. Современник А. Дюшена Жан Тулузский свидетельствовал, что при сборе материала для своих работ историограф путешествовал по стране, причем за свой счет [Samaran 1979, p. 60].

В тексте своей работы А. Дюшен, как правило, не цитировал дословно свои источники, но старался уточнять, откуда им были взяты те или иные сведения. Нередки случаи, когда А. Дюшен не указывал прямо в тексте автора и название своего источника, а ограничивался упоминанием «одной старой хроники», «грамоты», лаконичным указанием «многие древние» и т. п., и в этом можно усмотреть влияние средневековой традиции неточного цитирования. Однако к некоторым

его работам отдельным томом издавались «Доказательства», т. е. комментарии, где указывались точные названия использованных источников (например, существуют такие приложения к истории дома Монморанси и истории французских кардиналов). Таким образом, систему ссылок А. Дюшена можно назвать весьма точной и скрупулезной.

А. Дюшен ссылался не только на традиционно авторитетные произведения, но и на труды своих современников, например, известного английского антиквара У.Кэмдена [Duchesne 1614b, p.iiij, 3 etc.]. Это было связано в том числе и с иными, по сравнению со Средневековьем, способом и целью цитирования чужих текстов: труды А. Дюшена не были компиляциями, а все сведения, попадавшие в его распоряжение, подвергались им сомнению независимо от того, откуда эти сведения происходили.

Интересной особенностью наследия А. Дюшена является то, что в рамках серии его генеалогических произведений присутствуют не только ссылки на источники, но и внутренние перекрестные ссылки, вынесенные на поля. Это можно рассматривать как свидетельство того, что Дюшен воспринимал работы этого цикла как единое целое.

А. Дюшен снабдил все свои труды научным аппаратом практически в современном его понимании: перед основным текстом его работ приводилось их подробное содержание, а в начале или в конце книги размещались алфавитные указатели упоминавшихся в тексте исторических деятелей, а порой и исторических событий, документов, упомянутых в тексте городов, монастырей и т. п.

Опора на большое количество источников не означала, что А. Дюшен не подвергал сомнению достоверность приводимых в них сведений. Более того, можно говорить о том, что сомнение стало его методом, и это подчеркивает новаторство Дюшена по отношению к традиции средневекового европейского историописания. Хотя А. Дюшен и не сформулировал основные положения своего метода, по сути он предвосхитил в области гуманитарного знания идеи Р.Декарта.

Основным критерием достоверности для Дюшена был здравый смысл. Именно к нему он апеллировал и в случаях, когда по тому или иному вопросу существовало достаточное количество совпадавших по смыслу письменных свидетельств, и в случаях, если их было недостаточно или они противоречили друг другу. Суждение об истинности или ложности любых сведений А. Дюшен выносил, основываясь на здравом смысле и логике. Он приводил все имевшиеся в его распоряжении версии событий и не полагался на одну авторитетность источников. Он представлял читателям не только свои выводы, но и исходные варианты сведений, шаг за шагом разворачивая перед читателем ход своих мыслей, объясняя логику своих рассуждений и подчеркивая, что то, что изложено в том или ином труде, — это именно его мнение. В перечислении всех известных вариантов и последующем аргументированном выборе истинного заключался один из принципов его метода.

Здесь уместно вспомнить, что английский антикварий Джон Селден сопоставлял историческое исследование с английским судебным процессом, сравнивая историка с адвокатом, источники — с уликами, а читателя — с судьей, выносящим окончательный приговор. У А. Дюшена нет рассуждений о работе историка, методах исторического исследования, мы видим только результат, однако определенное сходство его методов с методами антиквариев налицо.

Изучение какого-либо вопроса не заканчивалось для А. Дюшена отправкой рукописи в типографию. В предисловии к «Генеалогической истории домов Гина, Ардра, Гента и Куси» он писал, что уже когда эта книга находилась в печати, ему встретились некоторые сведения, заставившие его внести в первоначальный текст исправления или дополнения. Там же он заявил, что непогрешимость в исследованиях невозможна [Duchesne 1631]. Таким образом, А. Дюшен воспринимал свою работу как непрерывный процесс, не заканчивающийся изданием итога этого труда; его книги представляли собой для него лишь некий промежуточный вариант знания на бесконечном пути к истине. Он здраво воспринимал человеческие возможности и возможности историописания своего времени и был готов дополнять и видоизменять свои творения.

Подобный подход к исследованию как к постоянному стремлению к истине был характерен для французских эрудитов. Нежелание воспринимать итог своих трудов как непререкаемую догму, готовность к диалогу и самокритике, проявившиеся в наследии А. Дюшена, роднит этих интеллектуалов с исследователями последующих веков.

Андре Дюшен внес значительный вклад в развитие французского историописания и изучение истории страны. Выражая специфические для Франции социально-политические идеи и тенденции, наследие А. Дюшена оказало значительное влияние на формирование этнокультурной идентичности французов. Андре Дюшен с полным правом носит звание отца французской истории, поскольку, будучи одной из наиболее значительных фигур историописания раннего Нового времени, он стоит у истоков национального историописания своей страны.

Источники и литература

- Письмо Андре Дюшена неизвестному ученому. Париж, 15 мая 1625 — Архив С.-Петербургского Института истории Российской академии наук (СПБИАИ РАН). ЗЕС. Колл. 8 «Франция. Королевские и частные акты»: карт. 377, №10.
- Пронина 2011 — Пронина Е. А. Пером о шпаге: генеалогии французского и фламандского дворянства Андре Дюшена // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2011. Вып. 2. С. 111–117.
- Du Chesne Extraits — *Du Chesne A.* Extraits de registres du Parlement, par André Duchesne // Bibliothèque nationale de France, Département des manuscrits, Baluze 48–49.
- Du Chesne 1609 — *Du Chesne A.* Les Antiquitez et Recherches de la Grandevr & Maiesté des Roys de France, recueillies tant des Auteurs anciens, que des meilleurs Escruains de ce siecle et diuisees en III Liures. Paris:chez Jean Petit-pas. 1609. 716 p.
- Du Chesne 1619 — *Du Chesne A.* Histoire des Roys, Dvcs, et Comtes de Bovrgogne et d'Arles, extraicte de diverses Chartes & Chroniques anciennes, &diuisee en III. Livres. Par André dv ChesneTovrangeau. Paris: S. Cramoisy. 1619. 708 p.
- Du Chesne 1642 — *Du Chesne A.* Histoire des ministres d'État qui ont servi sous les rois de France de la troisième lignée avec le sommaire des règnes auxquels ils ont vécu. Paris:Courbé, 1642. 609p.
- Du Chesne 1662a — *Du Chesne F.* Traité des officiers qui composent le conseil d'Etat, imprimé avec le Nouveau style de conseil. Paris: Chez la veuve P. Rocolet, et Damien Fovcavlt; Au Palais,1662. 742 p.
- Du Chesne 1662b — *Du Chesne F.* Histoire des chanceliers et gardes des sceaux de France distingués par les règnes de nos monarques enrichie de leurs armes, blasons et généalogies, par François Du Chesne, fils d'André, imprimé avec le Nouveau style de conseil. Paris: Chez l'Auteur, 1662. 884 p.
- Duchesne 1605 — *Duchesne A.* Figures mystiques du riche et précieux cabinet des dames, où sont représentées au vif tant les beautés, parures et pompes du corps féminin, que les perfections, ornemens et atours spirituels de l'ame. Paris:Toussaint Du Bray, 1605. 265 p.

- Duchesne 1609 — *Duchesne A.* Antiquités et recherches de la grandeur et de la majesté des rois de France. Paris: Chez l'Auteur, 1609. 716 p.
- Duchesne 1610 — *Duchesne A.* Antiquités et recherches des villes, chateaux, etc. de toutes la France. Paris: Jean Petit-Pas, 1610. 803 p.
- Duchesne 1614a — *Duchesne A.* Dessein de la description entière et accomplie du très florissant et très célèbre royaume de France. Paris: Chez l'Auteur, 1614. 8 p.
- Duchesne 1614b — *Duchesne A.* Histoire d'Angleterre, d'Ecosse et d'Irlande. Paris: Rocolet, 1614. 1274 p.
- Duchesne 1616a — *Duchesne A.* Histoire des papes jusqu'à Paul V. In 2 vol. Paris: Nic. Buon, 1616.
- Duchesne 1616b — *Duchesne A.* Petri Abaelardi, sancti Gildasii in Britannia abbatis, et Heloisae conjugis ejus, quae postmodum prima coenobii Paraclitensis Abbatissa fuit, opera. Paris: Nic. Buon, 1616. 962 p.
- Duchesne 1617a — *Duchesne A.* Les Oeuvres de maistre Alain Chartier. Paris: Chez Samuel Thiboust, 1617. 920 p.
- Duchesne 1617b — *Duchesne A.* Histoire de la maison de Luxembourg de Nic. Vignier. Paris: Blaise 1617. 970 p.
- Duchesne 1617c — *Duchesne A.* B. Flacci Albini, sive Alchvini abbatis Karoli Magni Ragis, ac Imperatoris, magistri Opera quae hactenus reperiri potuerunt: nonnulla avctivs et emendativs; pleraque nunc primum ex Codd. MSS. edita. Accebere B. Pavlini Aqvileiense Patriarche contra Felicem Vrgel. Episc. Libri III. qui etiam nunc prodeunt. Omnia studio et diligentia Andreas Qvercetani Turonensis. Lutetiae Parisiorum: Ex officina nivelliana. Sumpt. Sebastiani Cramoisy, via Iacobea, sub Ciconis, 1617. 1894 p.
- Duchesne 1619a — *Duchesne A.* Histoire des rois, ducs et comtes de Bourgogne et d'Arles. 2 vol. Paris: En la boutique de Nivelles, 1619.
- Duchesne 1619b — *Duchesne A.* Historiae Normannorum scriptores antiqui. Lutetiae Parisiorum: [S.I.], 1619. 1123 p.
- Duchesne 1621a — *Duchesne A.* Histoire de la maison de Chastillon-sur-Marne. Paris : En la boutique de Nivelles, 1621. 295 p.
- Duchesne 1621b — *Duchesne A.* Généalogie des seigneurs de Rais Du Breil. Paris: de Saint Laurens, 1621. 287 p.
- Duchesne 1631 — *Duchesne A.* Histoire généalogique des maisons de Guines, d'Ardres, de Gand, et de Coucy, et de quelque autres familles illustres, qui y ont esté alliés. Le tout justifié par chartes de diverses eglises, tiltres, histoires anciennes, & autres bonnes preuves. Paris: chez Sebastien Cramoisy, 1631. 476 p.
- Duchesne 1636–1649 — *Duchesne A.* Historiae Francorum scriptores coetanei. 5 vols. Lutetiae Parisiorum: chez Sebastien Cramoisy, 1636–1649.
- Duchesne 1637 — *Duchesne A.* Les Antiquitez et recherches des villes, chasteaux et places plus remarquables de toute la France. Paris: Jean Petit-pas. 1637. 290 p.
- Duchesne 1660 — *Duchesne F.* Histoire de tovs les cardinavx françois de naissance, ov qvi ont esté promevs av cardinalat par l'express recommandation de nos roys, povr les grands services qv'ils ont rendvs a levtr estat, et a levtr covronne : comprenant sommairement levtrs legations, Ambassades & Voyages par eux faits en diuers Pays & Royaumes, vers les Papes, Empereurs, Roys, Potentats, Republicques, Communautz & Vniuersitez, pour Affaires importantes à l'Eglise vniuerselle, & à l'Auguste Majesté de nos Souverains. Par François Duchesne, fils d'André, Conseiller du Roy en ses Conseils. Paris: [S.I.], 1660. 649 p.
- Duchesne 1662 — *Duchesne F.* Traité des officiers qui composent le conseil d'Etat, imprimé avec le "Nouveau style de conseil". Paris: Chez la veusve P. Rocolet, et Damien Fovcavlt ; Au Palais, 1662. 742 p.
- Duchesne 1680 — *Duchesne F.* Histoire des chanceliers et gardes des sceaux de France. Paris: chez l'Auteur, 1680. 887 p.
- Duchesne 1915 — *Duchesne A.* Bibliotheca cluniacensis in qua Ss. Patrum Abb. Clun. vitae, miracula, scripta, statuta, privilegia, chronologiae duplex, item catalogus abbatiarum, prioratum, decanatum, cellarum, et eccles. à Clun. coenobio dependentium, vnà cum chartis, et diplomat. donationum earundem. Omnia cum primum ex MS. Codd. collegierunt Domnus Martinus Marrier Monast. S. Martini à Campis Paris. Monachus Professor, et Andreas Quercetanus Turo. qui eadem disposuit, ac notis illustravit. Paris: Matiscone sumptibus typisque fratrum protat. Matiscone, 1915. 24 p.
- Extraits de registres du Parlement, par André Duchesne — Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Baluze 48–49.
- Furetiere 1690 — Dictionnaire Universel, Contenant generalement les Mots François tant vieux que modernes, & les Termes de toutes les Sciences et des Arts. Recueilli & compilé par seu Messire Antoine

- Furetiere, Abbé de Chalivoy, de l'Academie Française. Vol. 3. La Haye;Rotterdam: chez ArmantetReinierLeeres, 1690. 869 p.
- Grell 1993 — *Grell Ch.* L'histoire entre érudition et philosophie. Etude sur la connaissance historique à l'âge des Lumières. Paris: P.U.F., 1993. 415 p.
- Kantorowicz 1957 — *Kantorowicz E.H.* The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology. Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1957. 570 p.
- Neuschel 1989 — *Neuschel K.B.* Word of Honor: Interpreting Noble Culture in Sixteenth-Century France. New York: Cornell University Press, 1989. 223 p.
- Parry 2007 — *Parry G.* The Trophies of Time. English Antiquarians of the Seventeenth century. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. 382 p.
- Samaran 1979 — *Samaran Ch.* Sur la mort d'Andre Du Chesne // Bibliotheque de l'ecole des chartes. 1979. T. 137. P.59–60.
- Thuau 2000 — *Thuau E.* Raison d'Etat et pensée politique à l'époque de Richelieu. Paris: Albin Michel, 2000. 504 p.

Статья поступила в редакцию 10 декабря 2014 г.